

Александра Залевская

Значение слова в индивидуальном лексиконе

Przegląd Wschodnioeuropejski 3, 479-493

2012

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

АЛЕКСАНДРА ЗАЛЕВСКАЯ
Тверской государственный университет

ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА В ИНДИВИДУАЛЬНОМ ЛЕКСИКОНЕ

Вводные замечания

Проблема специфики значения слова в индивидуальном лексиконе рассматривается ниже через призму двойной жизни значения (в социуме и у носителя языка) и с опорой на опыт экспериментального исследования динамики значения некоторых русских слов. Соответственно обсуждается необходимость разграничения двух ипостасей значения; излагаются основные положения теории слова как достояния пользующегося им индивида; рассматриваются вопросы организации двухэтапного эксперимента и приводятся некоторые предварительные результаты анализа полученных материалов с акцентированием внимания на роли признака в структуре обыденного знания.

1. Двойная жизнь значения слова

В российской науке о языке понимание важности разграничения двух ипостасей жизни слова подготовлено, в частности, работами А. А. Потебни и Л.В. Щербы.

Так, Потебня писал:

[...] пример предрассудка мы видим в понятии о слове. Обыкновенно мы рассматриваем слово в том виде, в каком оно является в словарях. Это все равно, как если бы мы рассматривали растение, каким оно является в гербарии, то есть не так, как оно действительно живет, а как искусственно приготовлено для целей познания¹.

¹ А. А. Потебня, *Эстетика и поэтика*, Москва 1976, с. 465–466.

Это можно трактовать как указание на необходимость обращения к слову как «живому» знанию в противовес его препарированию в научных и учебных целях.

В работе «О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании»² Л.В. Щерба фактически рассмотрел не три (как заявлено в названии его статьи), а четыре аспекта языковых явлений, специально выделив речевую организацию индивида как фактор, обуславливающий и речевую деятельность, и ее проявления в языковом материале и в языковой системе. Характеризуя речевую организацию индивида, с одной стороны, как психофизиологическую по своей природе, а с другой – как социальный продукт, Щерба особо подчеркнул, что речь в данном случае идет не о простой сумме речевого опыта индивида: имеет место своеобразная переработка опыта говорения и понимания речи. При этом Щерба высказался и по поводу соотношения между психофизиологической речевой организацией индивида и языковой системой, выводимой лингвистами из языкового материала: хотя первая из них является индивидуальным проявлением второй, нельзя отождествлять эти, по определению Щербы, теоретически несоизмеримые понятия.

К сожалению, под давлением постулатов структурной лингвистики и вполне в традициях борьбы с «психологизмом в языкознании» российская наука о языке сфокусировалась на исследовании системности и нормативности языковых явлений, на их надындивидуальности, ограничившись декларированием необходимости учета «фактора человека» и заменой некоторых терминов на более современные. Иначе говоря, лавина модных ныне исследований в области концептов, концептуальных полей и т.п. по своей сути остается в русле построения описательных моделей, базирующихся на постулатах лингвистики и на логико-рациональном анализе языкового материала как такового, мало чем отличаясь от проводившихся ранее изысканий по линии лексико-семантических вариантов слова, лексико-семантических полей и т.п.

Проблема двойственной жизни значения слова оказалась актуальной для российских психологов, рассматривающих ту ипостась значения, которая обращена в сторону индивида. Так, Л. С. Выготский³ показал роль и функции значения слова в процессах речемыслительной деятельности, внимательно проследил специфику становления и развития значения слова у ребенка по мере познания им окружающего мира, что представляется непосредственно связанным с подчеркиваемой Выготским идеей важности

² Л. В. Щерба, *Языковая система и речевая деятельность*, Ленинград 1974, с. 24–39.

³ См., например: Л. С. Выготский, *Из неизданных материалов Л. С. Выготского*, [в:] *Психология грамматики*. Под ред. А. А. Леонтьева, Москва 1968, с. 178–196.

формирования «живого знания» как условия успешности развития ребенка при синтезе интеллекта и аффекта, т.е. эмоционального переживания всего происходящего при освоении ребенком различных видов деятельности (в том числе – речевой). А. Р. Лурия⁴ показал особенности включения значения слова у человека в различные виды связей, особо отметил различия между социально принятым значением и актуализующимся у индивида смыслом слова. В работах А. Н. Леонтьева⁵ двойная жизнь значений раскрывается через противоположение их независимого существования в социуме тому, что происходит, когда значения выступают в качестве способов и механизмов осознания, включаясь во множественные связи, которые выводят на индивидуальный образ мира. Эту идею двойной онтологии значений, обусловленной их вхождением в весьма различающиеся системы – социальную и личностную, развивает далее А. А. Леонтьев⁶, указывающий на то, что в первом случае речь идет об узком понимании значения, отображаемом словарями (именно это исследуется лингвистикой), а во втором – о широком его понимании, связанном со значением как частью сознания личности (это изучается психосемантикой, психолингвистикой и т.п.). Опыт многолетнего теоретического и экспериментального исследования, нацеленного на реконструкцию категориальной структуры индивидуального сознания и размещения в ней индивидуальной системы значений, описывается в работах В. Ф. Петренко⁷, подчеркивающего, что именно через призму систем индивидуальных значений происходит восприятие мира субъектом деятельности.

В мировой науке непосредственно на проблему двойной жизни значений вышел У. Эко, не пользующийся подобным термином, но предлагающий разграничить понятия «ядерного содержания» и «когнитивного типа»; первое из них соотносится с социально признанным значением, а второе – с соответствующим ментальным феноменом. На примерах ситуаций из мировой истории Эко прослеживает некоторые пути формирования того, что он называет когнитивным типом⁸, а на материале художественного произведения⁹ показывает, что полноценная жизнь личности обеспечивается увязыванием слов не только со знаниями, но и с образами и эмоциональными переживаниями.

⁴ А. Р. Лурия, *Основные проблемы нейролингвистики*, Москва 1975; Он же, *Язык и сознание*, Москва 1979.

⁵ А. Н. Леонтьев, *Деятельность, сознание, личность*, Москва 1977; Он же, *Психология образа*, «Вестник Московского университета», Серия 14 «Психология» 1979, № 2, с. 3–13.

⁶ А. А. Леонтьев, *Деятельностный ум (Деятельность. Знак. Личность)*, Москва 2001.

⁷ В. Ф. Петренко, *Основы психосемантики*, Санкт-Петербург 2005.

⁸ U. Eco, *Kant and the platypus: Essays on language and cognition*, San Diego–New York–London 2000.

⁹ U. Eco, *The mysterious flame of queen Loana*, London 2006.

В современной науке активно обсуждаются возможности разработки новых семантических теорий, ориентированных на функционирование значений у человека. В качестве примеров можно назвать корпоральную семантику¹⁰, трактовку значения слова у индивида как сети связей¹¹, семантику опыта и выводного знания¹², биокультурную теорию значения¹³, теорию значимости¹⁴, трактовку слова, высказывания и т.п. в качестве интерпретации того, что чувствует говорящий¹⁵. Вполне очевидно, что подобная теория значения должна опираться на более общую концепцию слова, разработанную с соответствующими позиций.

2. Теория слова как достояния индивида

Теория, ставившая своей целью объяснение особенностей единиц внутреннего лексикона человека¹⁶, разработана в развитие идей Щербы относительно специфики речевой организации человека как продукта своеобразной переработки речевого опыта. В результате рассмотрения специфики языка в составе слаженного ансамбля взаимодействующих психических процессов, моделирования речемыслительного процесса и проведения экспериментов с носителями разных языков были сделаны следующие важные уточнения и выводы.

- Человек перерабатывает не только речевой опыт: поскольку язык служит средством познания и общения, речевой опыт составляет лишь один из аспектов и инструментов формирования разностороннего опыта адаптации индивида к естественному и социальному окружению.
- Всё познаваемое при взаимодействии тела и разума индивида переживается личностью, т.е. эмоционально-оценочно маркируется.
- Формируемая таким образом единая информационная база человека, одним из средств доступа к которой служит слово, является совокупным продуктом взаимодействия перцептивных, когнитивных и аффективных (эмоционально-оценочных) процессов, т.е. имеет тройственную природу.

¹⁰ H. Ruthrof, *The body in language*, London–New York 2000.

¹¹ C. Hardy, *Networks of meaning: A bridge between mind and matter*, Westport (Connecticut) – London 1998.

¹² P. Violi, *Meaning and experience*, Bloomington 2001.

¹³ Й. Злагов, *Значение = жизнь (+культура): набросок единой биокультурной теории значения*, [в:] *Studia Linguistica Cognitiva*, Москва 2006, с. 308–361.

¹⁴ П. П. Дашинимаева, *Философия языка и теория значения*, Улан-Удэ 2010.

¹⁵ J. Hellevig, *A Biological Philosophy I*, Helsinki 2010, pp. 9–11.

¹⁶ А. А. Залевская, *Проблемы организации внутреннего лексикона человека*, Калинин 1977; воспроизведено [в:] А. А. Залевская, *Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды*, Москва 2005, с. 31–85.

- Переработка опыта познания и общения происходит по законам психической деятельности со всеми вытекающими отсюда следствиями, но под контролем норм и оценок, выработанных в социуме/культуре.
- Продукты такой переработки упорядочиваются посредством многообразных и многоуровневых связей по множеству параметров (включая не только признаки, но и признаки признаков, которые могут оказаться актуальными для индивида в условиях текущей ситуации или быть характерными для восприятия естественного и социального окружения человека с позиций определенной культуры).
- Включение нового элемента в уже существующую систему связей ведет к ее перестройке путем самоорганизации, протекающей независимо от воли и сознания человека и обеспечивающей базу для ориентации в индивидуальном образе мира (в том числе – для эвристического поиска).
- Понятие единой информационной базы в такой трактовке объясняет специфику того, что лежит за словом у пользующегося им человека и учитывается на разных уровнях осознаваемости (от актуального сознания через сознательный или бессознательный контроль до неосознаваемого). Динамика уровней осознаваемости характерна для любого вида деятельности человека (в том числе – речемыслительной); лишь конечные продукты многоэтапных глубинных процессов выводятся на «табло сознания».
- В процессах речемыслительной деятельности и общения слово в его социально принятом значении, выступающем в роли медиатора, играет роль лазерного луча при считывании голограммы индивидуального образа мира, в контексте которого именуемый словом объект (в широком смысле, т.е. это может быть действие, состояние, признак и т.п.) оказывается доступным, поворачивается разными гранями, обнаруживает те или иные свойства, переживается как известный, понятный, включенный в ситуацию со всеми ее особенностями, следствиями и т.д.
- С позиций рассматриваемой теории слова внутренний лексикон человека представляет собой самоорганизующуюся динамическую функциональную систему, в которой слово имеет значение только благодаря выходу на описанную выше единую информационную базу (индивидуальный образ мира), без чего оно остается «пустым» (т.е. оказывается простым набором звуков или графем).
- Системность организации внутреннего лексикона базируется на множественных и многообразных связях между его единицами с превалированием роли глубинных (в том числе не поддающихся вербализации) оснований для связи, которые отвечают тройственной (перцептивно-когнитивно-аффективной) природе единой информационной базы человека.

Дальнейшее развитие рассматриваемой концепции слова как достояния индивида¹⁷ привело к рассмотрению взаимодействия между индивидуальным знанием (далее – ИЗ) и коллективным знанием (далее – КЗ) с подразделением последнего на два взаимосвязанных подвида: под КЗ₁ понимается совокупное коллективное знание-переживание, формирующееся и функционирующее в определенной лингвокультурной общности по законам психической деятельности и взаимодействий в сверхбольших системах, а под КЗ₂ – каким-либо образом «зарегистрированное» в продуктах разнообразной деятельности людей коллективное знание, отображающее лишь часть того, что входит в первый из названных подвидов. Индивидуальное знание (ИЗ) непосредственно связано и с КЗ₁, и с КЗ₂, при этом оно складывается из того, что свойственно индивиду как представителю вида и как личности. Постоянная взаимосвязь этих (фактически трех) видов знания, с одной стороны, обеспечивает успешность взаимопонимания между людьми, а с другой стороны – объясняет трудность разграничения двух позиций лингвиста: в одной из них он выступает как исследователь, логико-рациональным путем анализирующий зарегистрированные продукты речевой деятельности (КЗ₂), а в другой – как носитель языка с его перцептивно-когнитивно-аффективным по своей природе индивидуальным знанием (ИЗ) при наличии также непосредственного доступа к совокупному знанию-переживанию (КЗ₁). Это позволяет объяснить причины традиционно допускаемого отождествления «теоретически несоизмеримых понятий», от которого в свое время предостерегал Щерба. Чтобы этого не происходило, необходимо понять и признать существование важных различий между тем, что переживает индивид, пользующийся языком как психическим феноменом, и тем, что получает исследователь, анализирующий конечные продукты психических процессов (языковой материал в терминах Щербы): создаваемые во втором случае конструкты, модели и т.п. базируются на исходных постулатах, ориентированных исключительно на социальную (=надындивидуальную) ипостась значения, которая описывается в словарях и по умолчанию принимается за истину в последней инстанции, распространяемую и на функционирование слова у пользующейся им личности.

Фокусирование на обращенной к индивиду ипостаси значения привело к ряду весьма важных выводов, базирующихся на взаимодействии результатов теоретических и экспериментальных исследований в этой области. Так, было экспериментально установлено, что при опознании

¹⁷ А. А. Залевская, *Индивидуальное знание: специфика и принципы функционирования*, Тверь 1992.

(идентификации) слова как такового носитель языка обращается к своей информационной базе с разной мерой «глубины», что дало основания для разработки спиралевидной модели идентификации слова и понимания текста¹⁸, согласно которой социально признанное значение служит импульсом для раскручивания гипотетической спирали в двух направлениях: в прошлый опыт и в прогнозируемое будущее. Такая спираль повторяет контур песочных часов, у которых верхняя и нижняя части пересечены рядами горизонтальных плоскостей («срезов»), соединенных двунаправленными вертикальными стрелками, что показывает возможные уровни развертки спирали вниз и вверх с привлечением выводных знаний различных видов на каждом из реализованных уровней развертки. При нормальном ходе речемыслительного процесса или общения задействуется уровень развертки, отвечающий достаточному семиозису, в то время как в случаях затруднений, непонимания и т.п. требуется обращение к другим уровням – с более детализированными признаками или, наоборот, с более высоким уровнем обобщения, что особенно существенно для межкультурных контактов. Не менее важно и то, что социально признанное значение слова, обеспечивающее выход на постулируемую развертку гипотетической спирали, выполняет целый ряд функций¹⁹, координирующих взаимодействие не только обеих ипостасей значения слова, но и языка как общественного явления и как достояния индивида, а также развертку в прошлый опыт и в будущее и т.д. К числу таких функций можно отнести референтную, идентифицирующую, медиативную, регулятивную, синтезирующую, прогностическую, рефлексивную, знаковую (перечень остается открытым). Следует отметить, что понятие референции в данном случае отличается от общепринятого, поскольку речь идет о референции в индивидуальном лексиконе со всеми вытекающими отсюда следствиями.

Изложенные представления о том, что лежит у индивида за словом, вполне объясняют наблюдаемые со стороны или посредством рефлексии удивительные возможности слова, которое живо только тогда, когда мы его не просто знаем, а переживаем как слитое с продуктами переработки многообразного опыта и всегда включенное во множество связей и отношений, вне которых не может восприниматься и опознаваться окружающий нас физический и социокультурный мир. Для индивида в естественной обстановке изолированного слова не существует – даже услышанное без контекста оно неизбежно актуализирует некоторую ситуацию, представление

¹⁸ Описательным путем эта модель введена в книге: А. А. Залевская, *Понимание текста: психолингвистический подход*, Калинин 1988; графическое представление модели впервые дано [в:] А. А. Залевская, *Введение в психолингвистику*, Москва 1999, с. 246.

¹⁹ См. подробно: А. А. Залевская, *Введение в психолингвистику*, Москва 2007, с. 164–167.

об объекте и т.п. с расширяющимися кругами выводных знаний, которые наше подсознание услужливо готовит к использованию в случае необходимости. При этом целостность человека (взаимодействие его тела и разума, невозможность отрыва продуктов перцептивных и когнитивных процессов от эмоционально-оценочных переживаний, постоянная опора на знание о том, как устроен мир, чего можно ожидать в той или иной ситуации, к чему могу привести те или иные действия и т.д.), постоянная включенность в те или иные естественные и социально-культурные «контексты» обеспечивают возможность удивительного и загадочного феномена эмергентности, благодаря которому возникает смысл, не являющийся простой суммой значений слов, посредством которых можно было бы описать некоторое событие.

Для исследования значения слова у индивида требуется подход, отвечающий теории, которая должна направлять весь ход работы от формулирования рабочей гипотезы до анализа и интерпретации полученных данных.

3. Вопросы организации исследования значения слова в индивидуальном лексиконе

Постановка задачи исследования значения как достояния пользующегося языком человека требует выбора соответствующего инструментария. При этом очевидно, что традиционно используемые технологии работы на базе словарей и текстов, вполне оправдывающие себя при исследовании обращенной к социуму ипостаси значения, не являются таковыми, когда в центр внимания ставится значение слова как «живое знание». Не спасает в таком случае и лингвистический эксперимент, поскольку он (вслед за Щербой, см. названную выше работу) ориентирован прежде всего на системность и нормативность языковых явлений²⁰. Только частично помогает решению поставленной выше задачи и ставшее в последние годы популярным использование ассоциативных словарей для исследования того, что принято называть «языковым сознанием». Дело в том, что этот потенциально чрезвычайно важный

²⁰ См., например, обоснование необходимости при исследовании системности языка проведения лингвистического эксперимента с использованием непосредственной языковой интуиции говорящих по поводу того, что правильно, а что неправильно в языке: Ю. Д. Апресян, *О проекте активного словаря (АС) русского языка*, [в:] *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог»*, вып. 7 (14), Москва 2008, с. 23–31.

исходный материал чаще всего анализируется опять-таки в русле постулатов системности и нормативности, без учета специфики значения слова как индивидуального знания со всеми вытекающими отсюда следствиями. Интересный материал дает исследование представлений о слове с позиций обыденного сознания с использованием ряда источников: дискурсивного анализа высказываний о языке и слове, анализа стратегий пользования словом, включенного наблюдения, анкетирования и интервьюирования, иллюстративного материала из произведений, взятых из корпусов текстов, высказываний из корпусов блогов на разных языках²¹. Таким образом, возможны различные подходы к получению свидетельств тому, как слово живет в индивидуальном лексиконе, однако важным условием является соответствие выбранного подхода исходной теории.

Кратко представленная выше психолингвистическая теория слова может выступить в роли одной из стартовых теорий такого рода. Формулируемая на основе этой теории рабочая гипотеза предполагает: 1) наличие определенной специфики функционирования значения слова, обращенного непосредственно к индивиду; 2) возможность выявления типовых стратегий и опор, обеспечивающих выход на индивидуальный образ мира через посредство социально принятого значения слова; 3) наличие определенных механизмов и базовых принципов увязывания человеком нового значения с предшествующим опытом и возможность обнаружения этих механизмов и принципов в ситуациях, когда в жизнь общества интенсивно входят новые реалии; 4) необходимость непосредственного обращения к носителям языка и культуры для исследования двойной жизни значений; 5) возможность создания экспериментальных ситуаций, позволяющих эксплицировать продукты глубинных процессов функционирования значения слова как достояния индивида, а также «измерять» особенности эмоционально-оценочного маркирования значения во второй его ипостаси.

Для проверки этой рабочей гипотезы на базе русского языка нами проводится экспериментальное исследование, организованное по двум принципам: 1) по горизонтали – через сопоставление материалов, полученных с параллельным применением одних и тех же исследовательских процедур на разных территориях функционирования языка в несколько различающихся условиях; 2) по вертикали – через сопоставление результатов двух таких «срезов» с временным интервалом в 17 лет (1993–2010). В 1993 году эксперимент проводился в г. Твери (РФ) и г. Алматы (Республика Казахстан); в 2010 году – в Центральном федеральном округе

²¹ В. Б. Кашкин, *Вещественное представление слова в повседневной философии языка*, [в:] *Язык, коммуникация и социальная среда*, Воронеж 2007, с. 117–136.

РФ (г. Тверь, Курск) и на территориях, где русский язык может испытывать некоторое влияние со стороны контактирующих с ним лингвокультур (г. Уфа, Башкортостан; г. Улан-Удэ, Бурятия; г. Алматы, Республика Казахстан; г. Киев, Украина). Общее количество участников эксперимента (студентов вузов как гуманитарных, так и технических специальностей) 520 человек. В настоящее время ведется сбор данных еще в пяти городах, т.е. количество испытуемых увеличится.

Отбор слов для исследования в 1993 г. осуществлялся через обращение к 42 носителям русского языка; им предлагалось записать по 10 и более слов, которые, по их мнению, в критический период развития общества получили новые значения или стали иначе восприниматься в эмоционально-оценочном плане, а также 10 и более новых слов, не так давно вошедших в русский язык. Из полученных таким образом 369 слов с частотой записи от 1 до 30 раз для дальнейшего исследования было отобрано 60 слов, которые представляли наибольший интерес в плане стоявших перед нами задач.

Комплексное экспериментальное исследование, именуемое психолингвистическим портретированием лексики, включает использование пяти процедур, упорядоченных по нарастанию степени метаязыковой активности испытуемых: свободный ассоциативный эксперимент, направленный ассоциативный эксперимент, субъективное шкалирование по 7-балльной шкале (от -3 «очень плохо» до $+3$ «очень хорошо») и прямое обращение к носителям языка по поводу значения того или иного слова (два варианта процедуры дефинирования).

По ходу и результатам обработки и анализа полученных данных публикуются статьи²² и подготавливается к печати монография. Здесь представляется возможным остановиться только на некоторых сводных данных по уже обработанной части экспериментальных материалов.

4. Некоторые предварительные результаты психолингвистического портретирования лексики

Прежде всего следует отметить, что участники эксперимента не смогли правильно опознать некоторые слова, с которыми они наверняка неоднократно встречались. В приводимых примерах исследуемое слово

²² См.: А. А. Залевская, *Значение слова в зеркале психолингвистического портретирования* (I), «Вестник Тверского государственного университета» 2010, № 5, с. 175–193; Она же, *Значение слова в зеркале психолингвистического портретирования* (II), «Вестник Тверского государственного университета» 2010, № 15, с. 204–213.

приводится заглавными буквами, записи испытуемых даются курсивом, основания для неверной идентификации или уточнения – строчными буквами в скобках без курсива:

- БРОКЕР – *курица, цыпленок, ферма* (бройлер)
 НАМЕСТНИК – *престола, статский* (наследник; советник)
 МЕНТАЛИТЕТ – *независимость* (суверенитет)
 БОЕВИК – *военная машина для боевых действий* (броневик)
 КОНСЕНСУС – *достаточно народа, чтобы голосовать* (кворум)

Некоторых слов испытуемые просто не знают. Хуже всего дело обстоит со словом НУВОРИЩ, на которое в разных группах имело место до 60% отказов от дефиниции. Примеры сделанных испытуемыми записей сгруппированы ниже по характеру связанных с этим слово представлений:

- (а) *без понятия, черт его знает, восточный начальник, член какой-то религиозной секты, язык или нация, диссидент*; (б) *начинающий коммерсант (мелкий); молодой, неопытный предприниматель; внедряющий новое, несущий в себе черты чего-то нового и т.п.*; (в) *богач, очень богатый, новый русский*

Слово БРОКЕР значительно более частотное, тем не менее о нем знают преимущественно только то, что брокер как-то связан с биржей (*человек, работающий на бирже, биржа, акции, деньги*); имеет место путаница между заимствованными словами типа *брокер, маклер, риэлтор, дилер, коммивояжер* и т.п., явно присутствует и отрицательная оценочность: *спекулянт!*

Вертикальный анализ полученных экспериментальных материалов позволяет проследить «вращивание» ранее редко использовавшегося слова в речевой обиход с расширением его значений. Так, слово АКЦИЯ стало приобретать популярность еще в 1993 году, но в одном значении; теперь оно фигурирует часто и понимается по-разному:

- 1993: *ценная бумага*.
 2010: (1) *ценная бумага*; (2) *форма владения частью предприятия*; (3) *политическое мероприятие, акция протеста*; (4) *торговое мероприятие, скидки, распродажа, уценка, специальное предложение*; (5) *рекламный ход с разными целями*.

Аналогичная ситуация имеет место со словом БОЕВИК:

- 1993: *наемный убийца, террорист, снайпер, парень-вышибала, член банды головорезов, сердитый человек, фильм*.

2010: (1) *остросюжетный фильм с драками, убийствами, ужасик;*
 (2) *террорист, шахид, вооруженный бандит, преступник, экстремист;*
 (3) *участник боевых действий;* (4) *криминальное событие.*

Интересна ситуация динамики значения слова **ДЕРЕВЯННЫЙ**, для которого в 1993 году было весьма популярным значение ‘дешевый’ в словосочетании «**РУБЛЬ – деревянный**». Вместе с расширением круга используемых ныне значений слова **ДЕРЕВЯННЫЙ** представляется возможным дальнейшее развитие в сторону значения ‘подлинный, потому дорогой’.

1993: *дешевый* (рубль).

2010: (1) *сделанный из дерева;* (2) *глупый, тупой, неумный, бестолковый, бесчувственный, не меняющийся, упрямый* (о человеке); (3) *дешевый* (рубль), *невыгодный;* (4) *твердый, чёрствый* (хлеб); (5) *потерявший чувствительность* (рука).

Далее возможно: ‘подлинный, из натуральных материалов, поэтому дорогой’.

Вертикальный анализ позволяет проследить изменение отношения к именуемому словом объекту, действию, ситуации. Так, именуемый словом **БИЗНЕСМЕН** человек в 1993 году воспринимался как *спекулянт, делец, вор, бездельник; пронырливый человек, делающий деньги из воздуха*. Теперь это в первую очередь *предприниматель, деловой человек, человек дела, владелец бизнеса*, хотя остается и некоторое неприятие: *торгаш*.

Аналогичная картина прослеживается со словом **ДЕЛОВОЙ**:

1993: *наглый, крутой; высовывающийся, где не просят.*

2010: (1) *связанный с делом;* (2) *занятой;* (3) *связанный с предпринимательством;* (4) *предприимчивый, хваткий, пробивной, знающий свое дело;* (5) *строящий из себя слишком умного человека, нахальный, наглый, самодовольный, выделывающийся, высокомерный, амбициозный;* (6) *важный;* (7) *официальный* (центр, костюм, документ).

5. Обсуждение некоторых общих тенденций идентификации значения слова носителем языка

Даже весьма ограниченное количество примеров указывает на то, что носители языка могут не иметь четкого представления о значении слова, которое они довольно часто слышат; при отсутствии опыта деятельности в той или иной сфере жизни именования связанных с ней объектов смешиваются; важнейшей стратегией идентификации значения слова

оказывается отнесение именуемого словом объекта к некоторой сфере жизни или увязывание его с той или иной ситуацией; по мере изменений в общественной, политической, экономической, культурной жизни общества имеет место динамика увязываемых со словом значений; эмоционально-оценочные переживания находят отражение в приписываемом слову значении и могут изменяться с течением времени.

Такое положение вещей, с одной стороны, свидетельствует о том, что индивидуальное знание и «зарегистрированное» коллективное знание действительно различаются, а с другой – побуждает поставить ряд вопросов, к числу которых относятся, например, следующие.

Если обыденное знание в какой-то мере является неполным и ошибочным, то за счет чего же достигается более или менее успешная адаптация индивида к естественному и социальному окружению? В частности, за счет чего достигается взаимопонимание при общении, в том числе при межъязыковых / межкультурных контактах? Иными словами: благодаря чему именно на базе обыденного знания обеспечивается достаточный семиозис? Попытаемся упростить задачу, отталкиваясь от того, что при научном анализе значения слова прежде всего учитывается содержание увязываемого со словом понятия, а понятие описывается через определенный набор необходимых и достаточных признаков именуемого объекта. Поскольку все такие признаки трактуются как необходимые и достаточные, имплицитно предполагается их равноценность в составе содержания понятия. Возникает вопрос: остается ли такая импликация оправданной и для обыденного знания?

Результаты психолингвистического портретирования лексики хорошо согласуются с нашим многолетним опытом применения разных экспериментальных процедур²³, что позволяет высказать некоторые соображения по этим вопросам с акцентированием внимания на роли признака²⁴ в структуре обыденного знания.

Прежде всего представляется важным подчеркнуть, что носителем языка значение слова переживается как слитое с образом именуемого словом объекта, что хорошо согласуется с высказыванием Н. И. Жинкина о том, что мы слышим слова, а думаем не о словах, а о действительности²⁵.

²³ См. обсуждение экспериментов: А. А. Залевская, *Экспериментальное исследование ассоциативной структуры памяти*, [в:] *Педагогика и психология*, Алма-Ата 1969, с. 58–69; Она же: *Межъязыковые сопоставления в психолингвистике*, Калинин 1979; Она же: *Слово в лексиконе человека*, Воронеж 1990.

²⁴ Связанные с проблемой признака вопросы теории рассматриваются в работе: А. А. Залевская, *Проблема признака как основания для взаимопонимания и для расхождений при этнических контактах*, [в:] *Этнокультурная специфика языкового сознания*, Москва 1996, с. 163–175.

²⁵ Н. И. Жинкин, *Речь как проводник информации*, Москва 1982, с. 18; 92.

Поэтому если для исследователя языковых явлений основным является ИМЯ вещи, то в обыденном знании главным оказывается имя ВЕЩИ, которая к тому же существует не вообще, а в ракурсе «для меня – здесь – сейчас». Отсюда вытекает и роль признака вещи, «высвечивающего» в голограмме индивидуального образа мира определенный комплекс знаний и переживаний, отвечающий специфике перцептивно-когнитивно-аффективной информационной базы человека.

Степень актуальности такого признака определяется взаимодействием названного выше ракурса с принятыми в социуме/культуре нормами, предпочтениями и оценками.

Наиболее актуальный признак выступает в качестве «пускового момента» для раскручивания гипотетической спирали, о которой шла речь выше, и может выводиться на «табло сознаний», однако и другие признаки объекта так или иначе учитываются на разных уровнях осознаваемости (именно поэтому предпочтительнее говорить об «обыденном знании», а не об «обыденном сознании», ибо во втором случае делается акцент лишь на одном из взаимодействующих уровней).

Важнейшим для обыденного знания и обеспечивающим достаточный семиозис оказывается признак отнесенности к некоторой жизненной ситуации как основанию для множественных выводных знаний.

Особенно актуальными для представителей разных культур могут выступать не необходимые и достаточные с точки зрения определения понятия признаки, а признаки, характерные для именуемого объекта и важные с позиций совокупного коллективного знания-переживания.

Более того, могут учитываться не только признаки, но и признаки признаков, что особенно важно при межкультурных контактах и взаимодействиях, поскольку возможны связанные с такими тонкостями различающиеся эмоционально-оценочные переживания, способные провоцировать межэтническую напряженность и межличностные конфликты.

6. Выводы

Суммируя изложенное выше, мы фактически получаем краткие характеристики слова как «живого знания», его основных особенностей и важности его исследования

Живое слово представляет собой: 1) достояние пользующегося языком человека; 2) продукт своеобразной переработки человеком его опыта познания и общения; 3) средство доступа к единой перцептивно-когнитивно-аффективной информационной базе – образу мира индивида;

4) специфическое орудие разнообразной (в том числе – коммуникативной) индивидуальной и социальной деятельности людей; 5) познавательную единицу с двойственной онтологией.

Живое слово: 1) обладает изначальной предметностью; 2) способно возбуждать представление о вещи со всеми ее признаками; 3) позволяет думать о действительности; 4) обеспечивается взаимодействием сенсорики, интеллекта и эмоционально-оценочных переживаний; 5) отличается от слова, каким оно представлено в словаре.

Актуальность исследования двойной жизни значения с акцентированием внимания на слове как достоянии индивида определяется общей тенденцией развития мировой науки о человеке, что находит отражение в имеющей место смене общенаучных метафор: от «машинной» через «информационную», «компьютерную» и «мозговую» к метафоре «живого знания»²⁶.

Word Meaning in Internal Lexicon

Dictionary definitions reflect products of word meaning scientific analyses based on texts. Application of different experimental procedures reveals some specific features of word meaning in internal lexicon and helps to explain peculiarities of word meaning as common knowledge and its ability to ensure sufficient semiosis through mediating access to personal world image as complex integration of perceptual, cognitive and emotional information processing in various situations.

²⁶ См. подробно: А. А. Залевская, *Проблема знания в различных ракурсах*, [в:] *Studia linguistica cognitiva*, вып. 2, Иркутск 2009, с. 14–64; см. А. А. Залевская, *Введение в психолингвистику*, М., 2007, с. 46–47; см. также: А. А. Залевская, *Значение слова через призму эксперимента*, Тверь 2011.